

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА, ПОДРУГА...

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Жена, любовница, подруга...

«Автор»

2009

Врублевская Г. В.

Жена, любовница, подруга... / Г. В. Врублевская — «Автор»,
2009 — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 978-5-9524-4273-3

За долгие годы супружества романтика выветрилась из отношений Татьяны и Дмитрия Беломорцевых. Заскучавший муж решил освежить чувства в объятиях подруги жены. Его развлекал, приятно будоражил взрывной темперамент Ларисы, но очень уж раздражало ее упрямое, маниакальное какое-то стремление к законному браку. Развод не входил в планы Беломорцева. Свободных, привлекательных женщин вокруг вон сколько! Да хотя бы сотрудница риелторской фирмы, в которую ему пришлось обратиться, Ника – молодая, красивая, интересная в общении. Три женщины... Жена, любовница, подруга... Возможно ли соединить эти извечные женские предназначения в одной, единственной?

ISBN 978-5-9524-4273-3

© Врублевская Г. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть первая	5
1. Любовный треугольник	5
2. Девушка, живущая сама по себе	16
3. Броуновское движение...	25
4. Новогодние сюрпризы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Врублевская Галина Владимировна

Жена, любовница, подруга...

Часть первая

Журавлиные перья

1. Любовный треугольник

Проводы, подернутые дымкой печали, для родителей походили на похороны: их дочь Алиса, выпускница питерской школы, улетала на учебу в Англию. Глава семейства, Дмитрий Владимирович Беломорцев, сам и подтолкнувший дочь к этому решению, вдруг почувствовал глухую боль – предстоящая разлука с Алисой опустошала его душу. Однако он пытался шутить, выстраивая перспективы родства с тамошними лордами. А супруга его, Татьяна Сергеевна, то и дело снимала очки в тонкой серебристой оправе, чтобы промокнуть платочком глаза и заодно протереть запотевшие от слез стекла. Лишь Алиса – виновница родительских переживаний – подгоняла время, то и дело поглядывая на длинную стрелку часов, подпрыгивающую на фронтальной стене зала вылета. Наконец сквозь многоголосый шум суетной толпы прорвался голос диктора аэропорта и объявил начало регистрации на рейс. Последние поцелуи и объятия, последние слова ни о чем, последние мгновения вместе. Наконец Алиса, мягко отстраняясь от матери, вошла с багажом в пункт досмотра. Какое-то время родители, стоя у входа, наблюдали за дочерью: предъявила к проверке чемодан на колесиках, распахнула куртку, затем – паспортный контроль, снова достает документы... Но вот чужие спины заслонили Алису, и супруги, почти одновременно вздохнув, отошли от разделительной черты.

Татьяна Сергеевна импульсивно ткнулась лицом в плечо мужа и начала всхлипывать. На затылке ее, в такт конвульсиям, вздрагивал короткий, растрепанный хвостик высветленных до прозрачности волос. Дмитрий Владимирович неуклюже погладил жену одной рукой по спине, испытывая легкое замешательство. Она разрыдалась в полную силу – уже много лет Дима не баловал ее проявлением нежности.

Через минуту-другую она затихла. И вдруг осиротевшие родители поняли, что завершился определенный этап их жизни. А что дальше? Новый виток взаимопонимания? Или этот миг – начало конца?

За долгие годы супружества романтика выветрилась из их отношений, и ныне семейная жизнь напоминала пруд, подернутый болотистой ряской: снаружи благопристойная зеленоватая гладь, внутри – застоявшаяся вода не первой свежести. Последнее десятилетие семья дышала через соломинку под названием «интересы ребенка». Теперь ребенок вылетел из не слишком уютного семейного гнезда, и Беломорцевы вновь оказались на старте! И что из того, что супругам-ровесникам приближалось к сорока! Они снова превратились в Татьяну и Дмитрия, и им еще предстояло узнать кое-что друг о друге и о самих себе.

– Ну ладно, мамочка, хватит сырость разводить. Все будет путем. Дочка обещала звонить каждую неделю! – Дмитрий попытался отстранить жену от себя, но она еще теснее прильнула к нему.

Поток снующих по залу пассажиров обтекал стоящую в проходе пару, как забытую кем-то тележку с наваленным доверху багажом. Супруги были одного роста, среднего сложения и даже одеты были почти одинаково: в джинсах и черных кожаных куртках пиджачного покроя.

Сигнал мобильного, задрожавшего в кармашке джинсов, позволил Дмитрию высвободиться от тягостных объятий.

– Да, слушаю. В субботу? Ах да, это – завтра. Хорошо. Я приеду на объект.

Пока муж отрывисто и деловито отвечал кому-то по телефону, Татьяна успела привести себя в порядок. Припудрив красноту под глазами, она снова надела очки и посмотрела на Дмитрия усталым взглядом учительницы, махнувшей рукой на неисправимого ученика: бесчувственный истукан, дочь улетела в такую даль, возможно, навсегда покинула дом, а он... хотя бы слезинку проронил! Все его помыслы о бизнесе, о деньгах! Обиженно поджав губы, она горестно покачала головой.

И все же супруга заблуждалась насчет отсутствия эмоций у спутника жизни. Этот звонок, как и ряд прочих, не имел отношения к его делам, частенько Дмитрий пользовался выездами на дальние объекты как прикрытием – он возглавлял фирму по установке оконных стеклопакетов. Уже год с лишним он имел связь с женщиной и только что договорился с ней об очередном свидании. Но Татьяна, испытывая обиду на мужа за его невнимание и сухость, не подозревала Дмитрия в измене. Никогда ревнивые фантазии не посещали ее, хотя воображение у нее имелось. И привлекательность не ушла. Изредка она замечала взгляды мужчин, направленные на нее, представляла, как могли бы развиваться события, ответ она на призыв. Однако она была предана мужу и уверена, что он тоже верен ей. Он казался Татьяне чуть ли не частью ее тела – куда он денется?

Дмитрий убрал телефон в карман и, механически поддерживая жену под руку, направился к своему черному джипу, припаркованному у здания аэропорта. Мысли его витали вокруг предстоящего выходного дня и необременительного свидания, однако он крепко держал руль и внимательно следил за дорожной обстановкой.

Ехать было недалеко. Магистраль, соединяющая аэропорт и центр Петербурга, проходила мимо дома Беломорцевых, расположенного на пересечении Московского проспекта и набережной Фонтанки. В царские времена вдоль реки строились дворцы для знатных вельмож, после революции особняки превратили в коммуналки, а нынче шел обратный процесс. Беломорцевы давно отселили соседей и теперь единолично занимали пусть не дворец, но квартиру, где прежде проживали четыре семьи. Они сделали евроремонт: прихожую украсили аркой, разломали стенку между кухней и смежной комнатой, превратив эти помещения в просторную гостиную. Однако и эта площадь казалась маловатой, поскольку вместе с Беломорцевыми проживала и теща Дмитрия. К тому же сам дом дореволюционной постройки требовал капитального ремонта: то прорывало трубы отопления, то заливало потолок и обваливалась штукатурка, поэтому поддерживать квартиру в нормальном состоянии было непросто. Да и никто не давал гарантий, что это здание вскоре не пойдет под расселение – инвесторы всех мастей уже приглядывались к нему. Поэтому глава семейства уже подумывал о собственном дворце – коттедже в элитном пригороде. Мысли о строительстве нового жилья постепенно вытеснили грезы о предстоящем свидании. В чем-то жена была права: прагматичный человек ее супруг. И Дмитрий заговорил с Татьяной о своих мечтах, связанных с возведением коттеджа.

Но затея переехать жить за город, пусть и в элитное предместье, не вдохновляла коренную горожанку, выросшую в историческом центре Петербурга. Она не хотела постоянно жить за городом, за высокой оградой, управлять обслугой и проверять пыль в семи комнатах. Ей нравилась ее просторная квартира, ныне целиком принадлежащая их семье. Ведь там, в одной из комнат прежней коммуналки, прошли ее детство и юность. Но если бы Татьяна заглянула в себя глубже, она бы поняла, что просто боится любых перемен.

Свое мнение Татьяна давно высказала мужу и больше не хотела разговаривать на эту тему, надеясь, что как-нибудь все само собой рассосется: или денег не хватит, или пыл Дмитрия утихнет. Она думала о текущих делах. В ней мирно уживались романтическая особа и земная женщина. У них есть дача, там все привычно и дел невпроворот. Уже поспела малина, и ягода может пропасть, если ее быстро не собрать и не сварить. И надо кого-то пригласить, чтобы крыльцо починили...

Татьяна искоса взглянула на профиль Дмитрия: безупречное ухо, русые волосы, коротко стриженные, слегка нахмуренные брови и чуть насмешливые губы. Но изрядно загоревшие лицо и мускулистая шея уже не столь гладкие, как были когда-то. И все же!.. Когда-то все девчонки их строительного института заглядывались на Диму, но достался этот упорный, с характером парень ей! Учеба давалась ему нелегко: Дима приехал из соседней северной области и на первых порах отставал от питерских. Но к старшим курсам выровнялся, сессии сдавал без срывов, а главное, проявил себя умелым организатором – каждое лето возглавлял студенческие стройки.

Татьяна вздохнула: и тогда девчонки завидовали, и сейчас немало женщин захотели бы оказаться на ее месте. Муж – успешный бизнесмен, семья всем обеспечена, дочь уехала на учебу в Англию, а в перспективе – видно, не отвернется – коттедж где-нибудь у Финского залива. А чему завидовать? Он как был провинциалом, когда из райцентра в Питер на учебу приехал, так им и остался: ни музыки, ни литературы, ни красивого обхождения не понимает. Но амбиции!.. Дворянское гнездо ему нужно строить! Зачем им, теперь, считай, на двоих, такой огромный дом? Мамин век к закату идет, дочь взрослая, и неизвестно, вернется ли в Россию или в Англии свою судьбу найдет.

Амбиции были присущи и самой Татьяне. Хотя мать ее служила в милиции, девочкой Татьяна приобщалась к культуре, чтобы не молчать в «умном» разговоре. Посещала лекции в Эрмитаже и даже через силу высиживала концерты в филармонии. И ныне, работая на рутинной должности конструктора по водоснабжению, отслеживала модные выставки и обсуждаемые на службе кинофильмы. Но главным ее увлечением стало разведение цветов и выращивание ягод на дачном участке. В общем, в характере Татьяны проявлялись на первый взгляд полярные черты. Поэтому она все время ощущала неполноту своего бытия. Муж отказывался сопровождать ее в театр или на выставки, равно как возделывать огород. А потому общение супругов ограничивалось темой воспитания дочери или финансовыми вопросами.

Татьяна мотнула головой, и хвостик волос повторил ее нервное движение.

– Дима, я уже говорила тебе, что думаю про это строительство. Повторяю еще раз: мне новый замок не нужен. Ты лучше скажи мне: эти твои дела в субботу так уж обязательны? Ты не можешь их подчиненным поручить? Я хотела бы, чтобы ты поехал со мной на дачу. У меня малина пропадает, да и крыльцо обветшало, починить бы его. Мама обижается, что к чужим людям приходится обращаться за помощью. И потом, мне что, опять переполненной электричкой добираться? А назад как? С тяжелыми банками? Варенье надо будет в город вывезти.

Дмитрий вцепился пальцами в баранку так, будто бы кто-то грозил отнять у него руль. В ответ он тоже хотел отчитать жену, но сдержался, жалея ее. Татьяна отстала на целую эпоху. Дмитрий, как большинство его друзей, иначе относился к даче – считал ее местом отдыха. Его средств хватило бы не только на варенье для семьи, но и на открытие плодово-ягодного производства. Однако Татьяна продолжала жить в прошлом, застряв где-то в девяностых. Тогда урожай с шести соток был едва ли не средством выживания для молодой семьи. Но и теперь жена по инерции копалась в земле, будто не видела, как изменились их жизнь и материальное положение.

– Ты вот что, Таня: поезжай завтра электричкой на свою фазенду, вари там варенье, а я вечером в воскресенье за тобой приеду, и все, что надо, вывезем в город.

Татьяна успокоилась, уже окидывая мысленным взглядом ряды прополотых грядок, ягодные кустарники и родные цветы на клумбах.

Их шесть соток и стандартный домик на них находились в садоводческом массиве под станцией Мга. Места те славились непроходимыми болотами, а во время Отечественной войны еще и ожесточенными боями, поэтому земля была изрыта воронками и траншеями. На исходе социализма власти провели здесь мелиоративные работы, нарезали участки под огороды и передали их в бесплатное пользование работникам предприятий. Среди тысяч «владений» затерялся и клочок земли, выделенный теще Дмитрия, в то время выходящей с милицейской службы в отставку.

Ныне постаревшей владелице участка, матери Татьяны, было не по силам внаклонку копошиться в земле и поддерживать дом в надлежащем виде, но она сумела переложить заботы о хозяйстве и огороде на плечи дочери. Татьяна приняла груз безропотно, поскольку каждое лето здесь отдыхала Алиса, а ребенку были полезны витамины с грядки. Дмитрий же, войдя в эту семью еще студентом, поначалу кое-что подбивал-подколачивал в дачной халупе, но позднее, приноровившись хорошо зарабатывать, откупался от жены и тещи деньгами. Бывал он во Мге редко, краткими наездами.

В субботу утром – первое утро без дочки, уже сообщившей, что долетела в Лондон благополучно, – настроение у осиротевших супругов было тоскливое.

Дмитрий, хотя внешне не выражал своих чувств, слонялся по комнатам не находя места: без Алисы он почувствовал себя потерянным. Татьяна добивала его, ругая за то, что отправил дочь за границу. Жена не только сейчас, в печальный для семьи момент, но и обычно была для Дмитрия источником раздражения и беспокойства. Едва он располагался отдохнуть на диване, ей сразу не терпелось занять его каким-либо хозяйственным делом. А он и на работе уставал изрядно, потому уклонялся от ее поручений. Так что оба они оставались недовольны друг другом, не умели радоваться совместному общению, а лишь поддерживали правила игры под названием «семейная жизнь».

После завтрака Дмитрий подвез жену на своем джипе до вокзала и, не дожидаясь, когда подадут нужную ей электричку, оставил на платформе. Напоследок он окинул жену критическим взглядом: несмотря на очки в интеллигентной оправе, выглядела Татьяна в своих мешковатых брюках и бесформенной куртке не только серо, но и старообразно. А на ее тележку, привычную спутницу неугомонных пенсионерок, Дмитрий и вообще без содрогания смотреть не мог. Однако сам он и был виноват в том, что супруга не расставалась с этой колымагой. На себе много не унесешь, а от станции до места надо было пройти пешком изрядное расстояние, и любая ноша удваивалась в весе, клонила плечи к земле.

Однако озабоченность жены Дмитрия не тревожила. Он быстро покинул гудящий улей вокзала, и, вдыхая воздух свободы, снова сел в машину – в глазах его уже сверкали нетерпеливые искорки. И вскоре его джип стрелой летел по широким проспектам и улицам – в выходной день в городе ни пробок, ни пешеходов... Проскочил Невский, промчался по набережной Фонтанки мимо своего дома и вскоре выехал на юго-запад, к Нарвской Заставе.

Ворота, увенчанные конной колесницей со статуей Славы, утверждали победу русских воинов в Отечественной войне 1812 года, являясь одним из красивейших памятников города. Однако на Дмитрия это сооружение влияло еще и каким-то мистическим образом. Неизменно выходило так, что, миновав арку, он мгновенно выключался из напряженного ритма обыденной жизни и его тут же наполнял романтический дух предстоящего свидания. Насвистывая популярную мелодию, Дмитрий свернул с широкого проспекта – протянутая рука стоящего на высоком постаменте товарища Кирова как бы указывала ему направление. Проехал по грязноватому закоулку, застроенному домами барачного типа. Прежде сюда селили рабочих близле-

жащего танкового завода, а теперь здесь жили неимущие наследники тех рабочих. Его подруге квартира досталась после смерти одинокой тети.

Дмитрий притормозил у обшарпанного подъезда, выбрал среди контактов слово «Дима» и нажал кнопку вызова. Ларису в своем телефоне он замаскировал под именем вымышленного тезки, чтобы жена, вздумай она влезть в его трубку, ничего не заподозрила. «Дима» вписывался в ряд его реальных знакомых – всяких Сань или Андрюш. Впрочем, хозяин мобильника страховался напрасно: жена не имела обыкновения рыться в записных книжках Дмитрия, хоть бумажных, хоть электронных. Это ее безразличие – или разумная стратегия – позволило семье Беломорцевых просуществовать почти двадцать лет. Но неверный муж, тоже дорожа «семейными ценностями», считал разумным предусмотреть любую случайность.

Сейчас Дмитрий с приятным волнением ждал ответа «Димы».

В трубке раздался низкий женский голос с волнующими нотками:

– Димочка, здравствуй! Ты где? Проводил свою селянку на болота?

Оба подсмеивались над увлечением Татьяны садоводством.

– Я уже у твоего дома, Ларочка. Сейчас буду.

Если жена Беломорцева вела себя благоразумно, то Лариса Зуднева, подруга Дмитрия, напротив, безумно ревновала любимого ко всем подряд, и к жене в первую очередь. Дмитрий сблизился с Ларисой год назад, когда она затеяла перedelку окна в своей спальне. Однако знакомы они были и до этого события: Лариса и Татьяна были подругами. Женщины подружились лет десять назад, когда работали в бюро «Лифтпроект», и Лариса неизменно бывала у Беломорцевых на семейных торжествах, а также раз в год приглашала супружескую чету к себе на день рождения. Поэтому Дмитрий, в случайном разговоре узнав о планах Ларисы поставить новое окно, по-дружески предложил ей обратиться в его фирму и даже пообещал скидку на установку стеклопакета. Процесс установки и стал начальной точкой сближения Ларисы и Дмитрия.

Работники плохо заделали проемы пеной, отчего все звуки с улицы теперь проникали внутрь квартиры еще легче, чем со старыми рамами. Лариса незамедлительно пожаловалась Дмитрию на свою беду. Дмитрий, директор фирмы, явился собственной персоной на квартиру к привилегированной клиентке. Он осмотрел установленное окно, проверил заливку уплотнителя и, обнаружив каверны в пене, отдал рабочим приказ по телефону завтра же приехать и устранить брак.

В тот визит Дмитрия в знакомую квартиру – впервые он оказался здесь без жены – случилось чудо. Он увидел Ларису в ином свете: обаятельной, предательски соблазнительной. В присутствии его жены она не казалась такой очаровашкой, поскольку вела себя гораздо сдержаннее. Но наедине с Дмитрием давно знакомая ему женщина преобразилась. Даже чуть слипшиеся пряди – она никак не могла избавиться от повышенной сальности волос – выглядели словно перышки, будто Лариса пробежалась под летним дождиком. Ассоциации с летним приключением вызывал и ее наряд: легкий цветастый сарафанчик и золоченые босоножки на высоких каблуках смотрелись на ней так же естественно, как где-нибудь на пляжах Бали – в квартире хорошо топили. И лицо Ларисы было таким загорелым, будто и впрямь поджаривалась она целыми днями на экзотических пляжах, а не под кварцевой лампой в ближайшем солярии. Однако пристрастие к загару было для Ларисы не данью моде, а вынужденным средством ухода за болезненно-угристой кожей лица.

Дмитрию бронзовое лицо и тело Ларисы показалось гимном здоровью и молодости. А ведь лет ей было лишь чуть меньше, чем его супруге. Однако у Татьяны был всегда болезненный, усталый вид, потому что она мало внимания уделяла своему внешнему виду. Полагала, что соблазнять ей некого, а для мужа не принято стараться. Но Дмитрий не разбирался в тон-

костях женской психологии, не вникал в маленькие дамские секреты. Он видел перед собой привлекательную девушку, истосковавшуюся без мужской ласки.

Пожар между Дмитрием и Ларисой вспыхнул от единственной искры, от взгляда Дмитрия, стрельнувшего по ее оголенным икрам и перехваченного Ларисой у ее бедра. Однако поначалу оба пытались обуздать свою страсть, и для новой встречи им пришлось выдумать предлог. Лариса выразила озабоченность предстоящей переделкой окна, а Дмитрий с готовностью обещал зайти еще раз и проверить качество исполнения.

Но на втором свидании об окне едва вспомнили, разве что Дмитрий поставил на стол бутылку бордо и сказал, что новый стеклопакет следует обмыть. Лариса уже приготовилась к такому повороту событий и принарядилась: на сей раз на ней было черное короткое платье из тонкого трикотажа без рукавов, стильный глубокий вырез косо обнажал одно плечо. И от этого соблазнительного плеча Дмитрий, однажды взглянув на него, уже не мог отвести взгляда. В этот вечер разговаривали мало. Приглушенный свет в комнате, хорошая музыка и дорогое вино в хрустальных бокалах отрезали путь к отступлению. В какой-то момент Лариса оказалась на диване в объятиях Дмитрия, и он был так ловок, что ее немнущееся платье даже не пришлось снимать.

Чувство вины перед Татьяной обострило возникшую у каждого страсть, подобно тому как пряности обостряют вкус обыденного блюда. Лариса, против собственных правил, впервые сблизилась с мужем подруги, а Дмитрий – также впервые – с женщиной, хорошо знакомой жене. Такой адюльтер был опасен для каждой из сторон, а потому становился еще притягательнее.

Теперь, спустя год, Дмитрий входил в дом Ларисы как в свой собственный. У него здесь были свои тапочки и махровый халат, зубная щетка и полотенце. Но главное, здесь его душа отдыхала. Лариса понимала его, сочувствовала в семейных и служебных неурядицах, всегда принимая его сторону в любом пересказанном им конфликте. И лишь одна тема была неприятна Дмитрию – он не любил, когда Лариса заводила разговор о будущем. Когда она упоминала его жену, через силу называя ее просто Татьяной, в глазах Ларисы аккомпанементом разгоралась злость. И в этом взгляде читалось откровенное: «Я ненавижу эту змеюку! Я лучше ее! Я моложе!»

Сегодня, как и год назад, Лариса снова облачилась в цветастый сарафанчик. Когда она взяла в руки букет, купленный Дмитрием по дороге у какой-то бабушки, то показалось, что она нарвала его в поле. Дмитрий и сам был одет просто: в футболке с короткими рукавами и джинсах. Так он одевался летом не только по выходным, но и в рабочие дни.

Потом они сидели в кухне за столом, а в приоткрытое окно, подгоняемый ветерком, заглядывал уличный клен, дотянувшийся ветвями до третьего этажа. Изредка клен с шелестом проходил зелеными пятернями по стеклу, будто стремился привлечь к себе внимание людей.

Дмитрий выхлебал до дна суп из тарелки и, посмотрев на оконную раму, сказал:

– Скоро осень, надо тебе, наконец, и в кухню стеклопакет поставить. Старые рамы совсем рассохлись. Я пришлю обмерщика, все работы и окно оплачу сам.

– Дима, ты не ответил на вопрос. Теперь, с отъездом дочери, ты подашь, наконец, на развод?

– Сейчас не время, Ларочка! Уйди я сейчас, когда Таня грустит по Алисе, не представляю, что с нею будет! Она не сможет жить одна.

– Так, «для дома, для семьи», снова завел старую песню. Татьяна – не одна. При ней остается мать. Ты же сам все время жаловался, что матери она уделяет больше внимания, чем тебе. Переезжай ко мне завтра же! А со временем все устроим формально.

– Зайка, подожди еще годик. Она пообвыкнется без дочери, тогда можно будет и подойти к этому вопросу. Я сейчас тоже без Алиски сам не свой. Так что ты о моем предложении думаешь, будем менять это окно?

– Даю тебе на размышления три месяца! К Новому году вопрос должен быть решен. А про окно я подумую.

– Кстати, у меня для тебя приятная новость, Ларчик: сегодня приехал с ночевкой, поскольку Татьяна на дачу укатила.

Лариса еще немного подулась, выпятив губки, но потом решила не портить свидание демонстрацией своих обид и переключилась на другую тему.

Прошла эта встреча, как всегда, пылко. У Ларисы была широкая, удобная кровать, и шелковые простыни с интересным рисунком, и новые кружевные трусики – она старалась разнообразить свидания приятными мелочами. Любовники слились в пылких объятиях, и обиды Ларисы на Дмитрия притупились.

Провожая возлюбленного воскресным утром, Лариса вздохнула:

– На окно я согласна, Дима. Давай только займемся этим позже, после отпуска. Мы ведь проведем его вместе?

– Да, зайка. Надеюсь, я что-нибудь придумаю, чтобы Таню не расстраивать.

Лариса закрыла за Дмитрием дверь, подошла к зеркалу в прихожей и застыла, разглядывая себя. При тусклом свете бра над дверью отражение ее имело вид чуть загадочный и привлекательный: глаза в полукружии теней казались крупнее, а лицо безупречно гладким. Лариса провела пальцем по щеке, но в очередной раз убедилась, что рубцы от девичьих угрей оставили свои отметины. В свое время Лариса, стараясь избавиться от этой напасти, рассталась с невинностью намного раньше своих подруг. Что, однако, мало помогло ей. И боязнь остаться одной, быть обойденной вниманием мужчин породила в ней бешеную активность. Она торопливо сближалась с очередным приятелем и так отчаянно стремилась замуж, что отпугивала мужчин своей активностью. Поэтому в свои тридцать пять она оставалась одинокой женщиной, а вокруг почти не наблюдалось свободных мужчин. И Дмитрий, увы, был женат. Лариса вздохнула и отошла от зеркала. Она понимала, что идет по сомнительному пути, однако надеялась, что кривая вывезет.

Лариса выросла в семье учительницы и водителя автобуса, потому и характер у нее вышел половинчатый – в нем совмещались «правильность» мамы и простодушие отца. Проявилась в ней и собственная черточка: склонность к остроловию. Ироничность помогала ей отбиваться от нотаций матери, от глуповатых нравоучений отца и служила щитом от насмешек одноклассников. Постоянно светящиеся на ее носу или лбу угри были неизменной мишенью для их острот. Но Лариса научилась переводить стрелы на самих насмешников, а позднее от обороны она перешла к атакам – теперь уже ребята побаивались ее.

Во взрослой жизни ирония поддерживала в ней мужество, когда приходилось расставаться с молодыми людьми. Обычно она сама разрывала отношения, если видела, что перспективы на брак нет.

Первым кандидатом на роль мужа еще неопытной Ларисы – тогда она училась в техникуме – ей показался студент-иностранец. Халим приехал в Питер из Арабских Эмиратов и учился на архитектора. Когда Лариса шла с ним по улицам, все смотрели на смуглого красавца. Не только потому, что Лариса рядом с ним казалась дурнушкой, но из-за смешной ушанки на голове студента. Халим постоянно мерз в северном городе, как все уроженцы южных краев. Однако намерения его были серьезны. Он сделал Ларисе предложение и обещал увезти к себе на родину, но выяснилось, что у него уже есть жена и ребенок. И восемнадцатилетняя Лариса опомнилась: она не захотела стать второй женой, испугалась жить в гареме, представляя эту

жизнь по фильму «Белое солнце пустыни». Тогда она впервые проявила характер – Халим уехал один.

Лариса окончила полиграфический техникум и получила диплом корректора. Первое время она работала в госиздательствах, но в годы сумбурных перемен в стране они разваливались, и ей приходилось искать новое место. Одновременно она искала и женихов. Очередная кандидатура наметилась, когда Лариса устроилась в бюро «Лифтпроект», в отдел документации.

Здесь ее взор сразу обратился на начальника. Доктор экономических наук Герман Леонидович Вдовин был старше Ларисы ровно в два раза. В тот год, когда она появилась в отделе, в институте отмечали его пятидесятилетие. Он пользовался авторитетом в профессиональных кругах, слыл талантливым ученым и организатором. А в глазах сотрудниц имел еще одно неоспоримое достоинство – на тот момент был разведен, хотя и имел двоих детей, выплачивая на их содержание алименты. Женщины обыкновенно принимают в таких случаях сторону мужчин, и сотрудницы сочувствовали своему начальнику, полагая его женой практичной особой. Другие называли ее гордячкой, не простившей супругу мужской шалости. Так или иначе, своего начальника дамы считали жертвой и боролись между собой за его внимание.

Однако начальник, зарубив надежды многих тайных поклонниц, отдал предпочтение новой сотруднице. Связь Ларисы и Германа Леонидовича продолжалась почти два года. Про себя Лариса называла своего друга Старик, однако у нее хватало ума вслух не произносить это прозвище. Время их сожительства совпало с периодом отчаянной борьбы за власть и имущество в бюро «Лифтпроект». В итоге бюро превратилось в акционерное общество «Этажстрой», а Герман Леонидович стал одним из его учредителей. Но борьба за власть не прошла даром, с ним случился инфаркт, вследствие чего его мужская активность пошла на убыль. Именно тогда, слегка напуганный первым звоночком, гражданский муж предложил Ларисе узаконить брак.

Будь Лариса корыстной, она бы ухватилась за это предложение – жених немолод, но состоятелен. Однако Лариса, просчитав варианты, снова испугалась – так она в свое время побоялась стать второй женой араба. И нынешнее предложение несло в себе много минусов. Во-первых, Лариса привыкла получать удовольствие от секса, а стареющий муж слабел бы с каждым годом. Во-вторых, она хотела ребенка. Но за два года фактического брака с Германом Леонидовичем ей так и не удалось забеременеть. Так что перспективы совместной жизни с этим человеком выглядели туманно. А случись у него инсульт и, не дай бог, разобьет паралич?..

Лариса побоялась губить молодость, обременяя себя заботой о старике. И она прозрела, поняла, что не любит Германа Леонидовича. И деньги для нее не главное. В один прекрасный день она собрала свои вещи и в отсутствие хозяина покинула квартиру сожителя, вернулась в родительское гнездо. На ее счастье, вскоре умерла тетя, завещав племяннице свою жилплощадь в рабочем квартале за Нарвской Заставой. Выгороженная из коммуналки квартирка была тесновата, но зато Лариса жила теперь одна, вольная привести к себе гостя когда пожелает. Впрочем, она не злоупотребляла открывшейся возможностью.

Она также уволилась из АО «Этажстрой», подыскав себе работу корректора в одном частном издательстве, выпускающем календари. В «Календарях» она трудилась и по сей день. Но на прежнем месте осталась ее подруга Татьяна Беломорцева – она работала там в секторе проектирования. Они продолжали изредка встречаться. Через Татьяну Лариса познакомилась и с ее мужем Дмитрием, с которым у нее впоследствии возникли близкие отношения.

В промежутке между связью с Германом Леонидовичем и Дмитрием Лариса жила почти как монашенка. Мужская нога если и ступала в ее дом, то не оставляла заметного следа. Лишь Дмитрий Беломорцев утвердился в ее доме. Лариса привязалась к мужу подруги, избыв предыдущие влюбленности, и стала вынашивать планы по устройству семейной жизни. Дмитрий под-

ходил на роль мужа по всем статьям: хороший возраст, материально обеспечен и внешне привлекателен. У него был легкий нрав, он не «грузил» ее заумными разговорами, как Герман Леонидович, и легко терпел ее капризы. Оставалось лишь изъять Дмитрия из другой семьи, и Лариса надеялась на скорый успех в этой задумке.

Приятными для нее были моменты, когда Дмитрий жаловался на жену. Он подсмеивался над ее садоводческими заботами, ворчал, что Татьяна находится под влиянием маменьки, хотя у самой дочь уже взрослая. И все же не торопился развестись с супругой. И тем самым дал Ларисе повод предъявить ультиматум: до Нового года он должен подать на развод. Она говорила ему лишь о любви, о невозможности жить врозь. А главную причину, что годы ее уходят, что вот-вот исполнится тридцать пять, Лариса приводить не стала. Еще одна упущенная возможность?.. Думать об этом было больно.

* * *

Редкий человек, нашедший на улице кошелек, избежит искушения его поднять. Так и Дмитрий в свое время бездумно увлекся Ларисой, когда она открыто дала понять, что примет его в любой день и час. И тем не менее жену он старался не травмировать, обставлял свидания с Ларисой так, чтобы Татьяна ничего не заподозрила. И на этот раз все было продумано: жена на даче, он как бы разъезжает по производственным делам – комар носа не подточит.

Но Татьяна не уехала на дачу: помешала досадная случайность. Электричку долго не подавали, на платформе скопилось много народу, и при штурме вагона кто-то из садоводов навалил тяжелые доски на тележку Татьяны – при этом часть перевозимых ею стеклянных банок раскололась. Расстроенная Татьяна сумела еще до отправления состава выбраться на платформу и, чуть не плача, потащила к метро – без банок для варенья ей на даче нечего было делать. Она изменила планы. Решила, что вместе с Дмитрием поедет во МГУ на машине в воскресенье, а сегодня спрашивает у соседей, нет ли у них лишней тары. Она позвонила мужу на мобильник, чтобы сообщить о случившемся, но телефон его был отключен. Возможно, подумала она, Дима находится в глухой зоне, где нет приема.

Добыв у соседки по площадке несколько литровых банок, Татьяна воспрянула духом. Прикинув, когда Дмитрий должен вернуться домой, принялась готовить ужин. Но он не приехал ни в шесть, ни в восемь часов. Мобильник его по-прежнему не отзывался. А вдруг какая беда? Перед Татьяной вспыхнула картинка аварии, но она осадила себя. И раньше случалось, что муж вдруг пропадал, но потом всегда находилось разумное объяснение его молчанию: разрядился аккумулятор, баланс обнулится, просто забыл трубку в кармане куртки. Нет, она не станет психовать раньше времени! Известно, что плохие мысли могут притянуть несчастье, лучше подумать о чем-нибудь приятном.

Татьяна достала заветную шкатулку, где лежали праздничные открытки. Особенно она любила перечитывать корпоративные поздравления к дням рождения или Восьмого марта. Незатейливо срифмованные строки восхваляли ее красоту, ум и доброту. И хотелось верить этим дифирамбам. Она взяла открыточку, полученную на последний день рождения, всмотрелась в россыпь автографов сотрудников. За кудрявой буквой «В» всплыл образ мужчины ее мечты: Герман Леонидович Вдовин.

Татьяна работала вместе с ним много лет, вначале в бюро «Лифтпроект», а теперь в акционерном обществе «Этажстрой». Недавно Герман Леонидович стал генеральным директором. Казалось, возглавив корпорацию, он стал выше ростом, плечи его развернулись, а все, что он говорил, звучало по-особому значительно. В прежние времена, когда он возглавлял отдел, Татьяна не думала о нем, как, впрочем, и о других мужчинах, – муж и маленькая еще дочка были для нее всем. Да и Герман Леонидович всегда казался недоступным. Вначале он слыл

хорошим семьянином. После развода у него был пылкий роман с Ларисой, а когда она оставила его, женился во второй раз, на молоденькой.

Однако и этот брак оказался для шефа неудачным – он вновь развелся и теперь выглядел в глазах Татьяны одиноким, несчастным человеком. И однажды Татьяна вдруг поймала себя на том, что испытывает волнение, когда шеф входит в их комнату, и поняла, что влюбилась! Теперь на работе она мечтала лишь о том, чтобы поймать его взгляд, улыбку, и сама одаривала его взглядами, полными обожания. К сожалению, став генеральным, он редко общался с рядовыми сотрудниками напрямую. Татьяна погладила пальцем размашистую букву «В» на открытке, и сердце ее забилось быстрее. Шестидесятилетний директор Татьяне стариком не казался: ведь ей самой подкатывало к сорока. Она видела в нем успешного руководителя, достигшего вершин карьеры, и мужчину в пору зрелости. И он был так одинок! Так и не нашел свою половинку! Роль этой половинки Татьяна в мечтах отводила себе, хотя и знала, что ни за что в жизни не оставит мужа, не причинит боль Дмитрию. Какие душевные муки и чувство стыда испытывала перед обоими мужчинами! Но в разговорах с лучшей подругой Ларисой она избегала упоминать имя Германа Леонидовича, опасаясь выдать себя горящим взором и случайным румянцем на щеках. У Татьяны имелась лишь одна возможность поделиться переживаниями – посетить интернет-форум.

Погасив конфорку на газовой плите – картошка с мясом уже перепрела, – Татьяна включила компьютер и вышла в Интернет. Там, на женском форуме одного из сайтов, она обнажала свою душу под ником «Туся». Анонимные собеседницы давали ей советы, сочувствовали или осуждали. От этих советов было мало пользы, зато усиливался душевный восторг, и тайные чувства приходили в движение. Татьяна набрала на клавиатуре пароль для входа на форум и очутилась среди своих виртуальных подруг.

Она нашла свое сообщение, написанное в прошлый раз:

«Девчонки, не знаю, как мне быть. Мужчина моей мечты немолод, но и я не школьница. У меня уже взрослая дочь. Понимаете, каждый раз, когда он входит в наше офисное помещение, у меня сердце ухает, я чувствую, как начинают пылать мои щеки. Но он не смотрит в мою сторону, и потом... вообще-то я замужем».

На крик ее души уже поступило три отклика. Одна неизвестная девчонка ободряла:

«Туся, меня улыбнуло твоим постом. Отчего не погонять с ботинком? Дуй вперед!»

Другая грубовато осадила:

«Ты что, фиганутая? Типак в годах не позарится на старуху. Найдет себе герлу с бантиками!»

Зато третья участница форума, видимо повзрослее других, мыслила и чувствовала с Татьяной в унисон:

«Со мной тоже была похожая история. Влюбилась по уши. Про семью, про детей забыла. Мой друг был старше меня на пятнадцать лет, само собой, женат. Так ничего у нас и не сложилось. Потом, когда мы расстались с ним, я долго болела».

Татьяна просмотрела другие записи на форуме и, невольно оправдываясь, написала новое сообщение:

«А мой любимый разведен, и я ваще-то не старуха. Просто рано выскочила замуж, оттого и дочке уже семнадцать. А теперь мой ребенок отправился на учебу в другую страну, и я осталась совсем одна. Муж мой совсем заработался, даже в выходные дома не бывает. Я ему совсем не нужна, думаю, что имею право на любовь, ведь я живой человек. Но я, не поверите, еще ни разу в жизни...»

Татьяна задумалась. Двадцатилетние посмеются над ней, ну и пусть. Ей надо просто высказаться, излить свои чувства. Как хорошо, что нынче есть Интернет. В прежние времена девушки, а порой и женщины вели обыкновенный дневник, и всегда был страх, что кто-нибудь обнаружит его. А здесь – полная анонимность.

Просмотрев другие темы форума, Татьяна не нашла для себя ничего интересного и выключила компьютер. За окном уже стемнело, но Дмитрий все не возвращался. Не позвонить ли в милицию? Нет, лучше подождать. Мужчины не любят истеричек, поднимающих панику. Может, Дмитрий уехал в соседний регион?

Татьяна присела перед темным окном – неясное очертание ее собственного лица с овалами очков отражалось в стекле, а где-то позади своего лица, в бегущих тенях уличных фонарей, рисовался портрет одинокого и несчастного Германа Леонидовича. Как-то он коротает свои вечера? Об этом Татьяна ничего не знала, да и знать не хотела. И вновь мысли возвращались к мужу.

Дмитрий объявился только на следующий день, позвонил жене от Ларисы утром в воскресенье, когда уже собрался ехать на дачу. Узнав, что Татьяна в городе, он слегка обеспокоился, опасаясь допроса с пристрастием. Но его не последовало. Жена только спросила, почему он не ночевал дома. Дмитрий ответил, что ездил в область, что по дороге сломалась машина, было не вызвать эвакуатор... плел что-то про трактор-тягач, станцию техобслуживания и мотель, где ему пришлось переночевать. Больше вопросов не последовало, и инцидент был исчерпан – хрупкий мир сохранен. Супруги стали собираться на дачу.

Татьяна успела даже позвонить Ларисе, пригласить ее в поездку, соблазняя богатым урожаем малины.

– Сколько насобираешь, все твое. Если согласна, то мы за тобой заедем.

Лариса захихикала в трубку:

– А если вместе с ягодками и Димулю утащу? Ты как? Убьешь лучшую подругу?

Ларису так и подмывало разрубить узел, самой признаться Татьяне в том, что ее муж провел ночь в ее доме, но она опасалась, что Дмитрий не одобрит эту поспешность. А Татьяна, кроме шутки, ничего в словах Ларисы не углядела.

– Ради бога, Лара! Для лучшей подруги ничего не жалко! Только ты ведь не из таких. Недаром десять лет дружим.

Лариса усмехнулась трубке и отказалась от поездки.

Беломорцевы уехали вдвоем.

2. Девушка, живущая сама по себе

Рабочие будни заставили Дмитрия забыть и о Ларисе, и о напряженных отношениях с женой. Он крутился с десяти утра до десяти вечера, не думая об отдыхе, – на исходе лета число желающих поставить новые окна неуклонно росло. Поэтому звонок риелтора по загородной недвижимости застал его врасплох.

– Дмитрий Владимирович, здравствуйте. Это Ника из риелторской фирмы. У меня на примете есть классный участок! В районе Кавголовских высот. Его в базу данных еще не успели включить, вам первому предлагаю. Но придется поторопиться. Смотреть надо завтра-послезавтра.

– Понятно. Вы хотите сказать, предложение уникально и если я промедлю, то на землю сразу найдутся другие претенденты? Участок уплывет?

– Уплываю я. Увольняюсь, расстаюсь с этой работой. Но вы не беспокойтесь: я передам вашу заявку другому риелтору.

Дмитрий медлил с ответом: дел на этой неделе у него было по горло – вырваться с работы проблема! Но неожиданно он почувствовал легкую горечь оттого, что не увидит больше эту красавицу, по темпераменту похожую на южанку, а не на жительницу холодноватого Петербурга. Вспомнились ладная фигурка, игривые кудряшки над ушами, карие глаза с умными искорками во взгляде. Он и встречался-то с Никой всего дважды: первый раз – заключали договор на риелторское сопровождение, другой – ездили смотреть заброшенный участок, сразу им отвергнутый. Ничего личного – с него достаточно жены и любовницы! Но теперь, когда Ника, сверкнув кометой на его небосклоне, исчезала, Дмитрий испытал сожаление. Он удивился своему чувству. Непонятно, чем зацепила эта девчонка, но хотелось увидеть ее еще хотя бы раз.

Ника всегда отличалась от ровесниц своей резвостью, видимо, сказывалась южная кровь предков. Ей рассказывали, что бабушка ее родилась в Тунисе – там после революции получили убежище русские моряки, скрываясь от преследования комиссаров. И хотя формально арабы не числились в их роду, бабушка на фотографии выглядела как подлинная шахиня. В облике Ники уже не было ничего экзотического, разве что слегка вьющиеся волосы. Даже носик был слегка вздернут, а не такой значительный, как у бабушки. Но характер!..

Родителям трудно было удержать ее на месте свыше четверти часа. Однако отец – он был художником-иллюстратором – пытался приобщить дочь к рисованию и живописи. Он показывал Нике, как размывать кистью монохромные цвета акварели и превращать их в нежные полутона. Она не слушала, брызгала кистью, создавая красочные салюты на белом листе бумаги. Отец качал головой, но терпел ее озорство. Николай Иванович Хлебников был немолод, так что посторонние люди принимали его иногда за дедушку Ники, и, может быть, поэтому он никогда не бранил дочку, любя ее со всей страстью последней любви. Ей и имя дали в честь главы семейства – Ника и Николай. Мама, Эльвира Викторовна, работала в музыкальной школе, а дома сама занималась с дочерью на фортепьяно. И маму Ника доводила своими шалостями.

Однако безоблачное детство Ники закончилось рано.

Когда ей было девять лет, отец скончался от сердечного приступа.

Ника разлюбила яркие краски и, вспоминая уроки отца, часами размазывала на листе коричневым и зеленым цветом, стремясь излить свое горе на бумагу. Через три года ее мать вышла замуж во второй раз, на этот раз за писателя Григория Носика. Он тоже был вдовцом и имел годовалого сына Тимофея – Тима. Маме пришлось оставить работу в школе и давать ученикам уроки музыки у себя дома, чтобы иметь возможность заниматься малышом.

Когда к маме приходили ученики или она занималась хозяйством, забота о Тиме перекладывалась на Нику, даже если сам отчим находился дома. Он сразу определил девочку в

няньки и почти лишил ее свободного времени. Ника тяготилась ношей, поскольку долгое время была единственным, избалованным ребенком в семье. В знак протеста она отказалась играть на пианино, но мама и не настаивала, поскольку у нее не оставалось на дочь ни сил, ни времени. Забросив занятия музыкой, Ника еще больше времени стала уделять рисованию, а в ее картинках теперь преобладали черный и фиолетовый цвета – она изображала ночное небо и далекие, пустынные горы.

Общего ребенка у супругов не появилось, так как оба были уже не молоды и вечно не хватало денег на текущие расходы. Основные тяготы ложились на плечи мамы. Ей приходилось набирать все больше учеников, поскольку Григорий Носик не был добытчиком. Хотя он и числился членом Союза писателей, книг не писал, разве что в газетах иногда публиковали его очерки о героях труда. Мама, зарабатывая на семью, не забывала и о детях. Она заботилась и о приемном малыше, и о подростковой дочке. Поддержав увлечение Ники, она записала ее в художественную школу. Непоседливая Ника вряд ли выдержала бы монотонную нагрузку дополнительных занятий, если бы не братец. Чтобы избавиться от обузы, она стала посещать «художку». Сразу после занятий в общеобразовательной школе ехала в специализированную. И постепенно втянулась в регулярные занятия изобразительным искусством.

Брат продолжал Нике «портить» жизнь еще долго: вредничал, задирился. И потасовки между двадцатилетней девушкой и девятилетним мальчишкой были обыденным явлением в доме. Лишь позднее, когда Ника, закончив институт, пошла работать, а он превратился в долгоязого подростка, отношения между ними потеплели. В пику отчиму она защищала Тима от нападок последнего, а парень безотчетно потянулся к сводной сестре, к молодой красивой женщине.

Ника вытянула «художку» – все четыре года, но, сравнивая свои работы с работами других учащихся, поняла, что уступает им в таланте и мастерстве. Критично оценив свои способности, она исключила из своих планов и Академию художеств, и Училище прикладных искусств. Ника поступила на архитектурный факультет строительного института, где требования к художественным способностям абитуриентов были скромнее. Однако профессия требовала обширных знаний в других областях. В учебном плане оказалось неожиданно много математики, начерталки и сопромата. Точные науки Ника постигала с таким трудом и затратой сил, что у нее почти не оставалось времени на личную жизнь.

Но личная жизнь сама входила к студентам-архитекторам, когда перед «подачей» проекта они ночами занимались всей группой в общежитии. В перерывах между усердными трудами студенты пели под гитару, а то и танцевали под магнитофон. И Ника вдруг оказалась на первых ролях – азы музыкальной грамоты, преподанные в детстве мамой,годились ей. Никто не умел лучше ее играть на гитаре, петь и танцевать! В Нику была влюблена половина курса. Порой и ей казалось, что она испытывает влюбленность в очередного сокурсника. Но наваждение быстро проходило, едва начиналось сближение. Несмотря на легкомысленный вид, Ника была склонна к глубоким переживаниям.

На старших курсах справляться с учебой стало легче, и Ника устроилась работать – в семье по-прежнему ощущалась нехватка денег. Вначале подрабатывала официанткой в «Макдоналдсе», затем рисовала плакаты в рекламном бюро, оформляла витрины магазинчиков. В сессию совмещать работу и учебу удавалось с трудом, а потому зачетки ее пестрели тройками. Когда получила диплом, места архитектора для нее не нашлось. В проектных институтах проходило сокращение, а в частные мастерские друзья-архитекторы веселую подружку не приглашали. Хоть она была классной девчонкой, пела и играла на гитаре, но архитектурные проекты ее оригинальностью не отличались, а повторяли известные формы и решения.

Ника устроилась в мебельный магазин продавцом-консультантом, и в ее обязанности входила разработка эскизов кухонной мебели под индивидуальные нужды заказчика – полученные на архитектурном факультете знания использовались едва ли на десятую часть. Но главным

бедствием для Ники стала необходимость ходить в магазин ежедневно и отсиживать там по восемь часов. Вскоре она взвыла и от однообразия предлагаемых ею проектов, и от привязанности к рабочему месту. Да и заработки в магазине были незначительны. А в семье уже ожидали от дочери денежной помощи: времена изменились. Пафосные статьи отчима, ругающие режим, принимали лишь в те газеты, где не платили. Маму начали одолевать болезни, и она не могла работать с прежней интенсивностью, а ведь требовалось выучить Тима – брат еще не закончил школу.

Ника оставила тихую заводь – магазин – и перешла на вольные хлеба: стала агентом в риелторской конторе. Причем продавала она не квартиры, а земельные участки и загородные дома, и ей приходилось мотаться по области. Зато два года спустя, когда она набрала приличную клиентскую базу, ее стали рекомендовать как опытного риелтора. Ника сняла себе отдельное жилье и отделилась от родителей. Но, жалея мать, ежемесячно выделяла ей определенную сумму.

Изредка у Ники появлялся «друг», но замуж она не спешила: не хотела такой убогой жизни, как у матери и отчима. Они сошлись – два слабых человека, – не испытывая настоящей любви друг к другу. Просто им казалось, что удобнее воспитывать детей в полной семье. Однако отчим оказался форменным нахлебником, а учитывая фамилию жены Хлебникова – вдвойне. Гонорары его становились все меньше и меньше. Григорий Носик не сумел вписаться в новое время, не заработав имени прежде, теперь он и вовсе выпал из колеи. Днями, полулежа на диване, он сочинял маловразумительные философские трактаты – желающих учить других всегда больше, чем умеющих что-то делать самим. Потом издавал свои опусы за «авторский счет», а точнее, за счет жены. Впоследствии нераспечатанные пачки его брошюр загромождали коридор, и ученицы, пришедшие к матери Ники на уроки музыки, складывали на запыленные кипы свои варезки и шарфы.

Двадцать пять лет... Этот возраст казался Нике таким же веселым, как девятнадцать и двадцать три. Цифры мелькали незаметно – и семерка, и девятка ее не пугали. Лишь нагрянувшая круглая дата заставила ее очнуться. Ника с удивлением заметила, что вокруг стало меньше свободных парней. Вдруг на нее, как на стрекозу из известной басни, дохнуло холодом одиночества, но она не бросилась искать крова у домовитых муравьев – полысевших холостяков, дающих объявления в брачные конторы. Приняв грустный факт, что с личной жизнью не сложилось и вряд ли уже сложится, Ника задумалась о карьере. Работа риелтора, хоть и давала ей возможность сносного существования, перестала ее устраивать.

В свое время она сбилась с тернистого пути архитектуры, а теперь время упущено, знания утрачены, а навыки не приобретены. Как быть? В ее нынешней деятельности не было перспективы: помогая продать или купить клиенту недвижимость, мотаясь из конца в конец области, высоко не взлетишь. Посредничеством при подобных сделках часто занимались студенты или пенсионеры, не претендующие на социально значимую роль. Они рассматривали свою деятельность как возможность приработка, тогда как для Ники это оставалось основной работой. Она крутилась как белка в колесе, и у нее водились деньги, но поступление их зависело от многих факторов и не было регулярным: то густо, то пусто. Вот если бы иметь твердый доход, счет в банке, то можно было бы задуматься и о ребенке... Но пока она не могла позволить себе родить и воспитывать малыша без мужа.

Ника решила круто сменить жизнь. Два года, одновременно с работой, она вечерами училась, сама и оплачивая второе высшее. Теперь ее опыт работы на риелторском рынке был дополнен экономическим образованием. Если приплюсовать сюда и диплом архитектора, то перспективы трудоустройства оказывались неплохими. И сейчас Ника готовилась сделать новый рывок. Она уже прошла собеседование и должна была в ближайший понедельник при-

ступить к новой работе в корпорации «Этажстрой». Ей предстояло заняться перспективным анализом в строительстве и освоением территорий, тем направлением, что стали называть английским словом «девелопмент».

Несколько дней назад Нике исполнилось тридцать два года.

В риелторской фирме она работала последнюю неделю. Сделки, проходящие оформление, она доведет до конца. Остальных клиентов «подарит» другим, как и варианты предложений, откопанные ею из разных источников. Но участок под Кавголовом – кому-то подарок с небес! И хотелось распорядиться им не только ради заработка, но и сделать приятное достойному клиенту.

Она пробежала взглядом блокнот своего мобильного: кому же первому предложить лакомый кусок? Среди заказчиков значился Дмитрий Владимирович Беломорцев. Почему она выбрала этого клиента? По виду надежный, обручальное кольцо на правой руке – такие мелочи она сразу замечает, – с вознаграждением не скупится, да и требования к участку умеренные. Правда, у нее половина таких! Однако этот человек выделялся среди прочих тем, что отнесся к ней с уважением, не ставя, как иные, риелтора на уровень услуги. Он видел в ней полноценного делового партнера. И еще... Но этот довесок не поддавался формулировке, и Ника не стала копаться в себе. Она просто послала вызов на номер Беломорцева. Однако, услышав про «классный» участок, Дмитрий не слишком загорелся. Знал, что каждый торговец расхваливает свой товар! Он и подумать не мог, что риелтор может руководствоваться лирическими соображениями, и потому отозвался со скепсисом.

Никю обидел его ироничный тон. Почему она вообразила, что между ними возникло понимание? С легким наигрышем она произнесла:

– Уплываю я. Увольняюсь! Расстаюсь с этой работой! Но вы не беспокойтесь: я передам вашу заявку другому риелтору.

– Минуточку, Ника. Я сейчас посмотрю свой органайзер. Так. Кажется, завтра удастся выкроить пару часиков.

Дмитрий оставил свою машину рядом с офисом и без задержек добрался к обусловленному месту на метро. Ника уже ждала его, сидя в своей вишневой «шкоде», – она слегка потряхивала кудрявыми волосами, в такт музыке, льющейся из автомобильного радио. Дмитрий постучал в боковое стекло, и девушка отключила для него блокиратор дверцы. Он сел рядом с ней.

На шоссе, ведущем в сторону Кавголовских высот, то и дело возникали пробки, да и качество покрытия оставляло желать лучшего – юркую «шкоду» то и дело встряхивало на трещинах асфальта. Дмитрий обратил внимание спутницы на это:

– Ника, вы расхваливали плюсы местоположения, но пока я могу отметить лишь минус – дорога отвратительная.

– Вы разве не знаете, Дмитрий Владимирович, что по генплану от окружной до этих мест намечается прокладка нового шоссе?

– А чем вы подтвердите свои слова?

– У меня есть сборник статей по развитию транспортных магистралей, также на сайте можете посмотреть...

– Посмотрю. – Дмитрий замолчал.

Ника удивилась его молчанию – в прошлый раз клиент был разговорчивее. Она бросила на него быстрый взгляд и снова сосредоточилась на дороге. Однако и этого краткого взгляда оказалось достаточно, чтобы вдруг понять, что солидный клиент – дорогая кожаная куртка, безупречно отглаженная белая рубашка в тонкую полоску, качественный парфюм – был чем-то расстроен.

Если бы эта сделка не была для нее последней, Ника вела бы себя более хладнокровно. Проигнорировала бы и грустный взгляд клиента, и опущенные уголки рта, и застывшую в тяжелой думе продольную складку на переносице. Заученным тоном изложила бы все достоинства места, не затрагивая личные вопросы. Но сейчас неожиданно для себя спросила:

– Дмитрий Владимирович, вы выглядите сегодня расстроенным, у вас неприятности?

– Не знаю, можно ли считать неприятностью, когда повзрослевшая дочь покидает отчий дом. Она уехала на учебу за границу. – Дмитрий тоже ответил предельно откровенно. – Не знаю даже, вернется ли. Теперь, честно говоря, и к участку у меня интерес пропал.

– А других детей у вас нет?

– Нет, одна дочка. А жена, кстати, не очень поощряет мое стремление выстроить коттедж.

– Она просто боится хлопот, связанных с переездом. Я уверена, что ее отношение переменится, когда вы переедете сюда жить. Это будет элитный поселок, охраняемая территория, пристойные соседи, рядом лес и озеро.

– Я тоже надеюсь на это.

В полдень они почти добрались до места будущего коттеджного поселка. Оставили машину на шоссе и пошли пешком – к поселку пока вела грунтовая дорога, разбитая тяжелыми самосвалами. День выдался ясным и теплым. Шли гуськом вдоль обочины, по мшистой тропинке, петляющей между стволами сосен – деревья вплотную подходили к недавно прорубленной дороге. Легкий ветерок дул в спину. Незаметно поднялись на пологий холм, и взглядам открылось зеленеющее вдаль разноцветье луговых трав. Здесь, среди соснового бора, и предстояло появиться поселку. Отдельные участки уже были раскорчеваны, а кое-где даже виднелись недавно возведенные фундаменты из белого кирпича. Ника остановилась, достала из сумки карту и сверилась с планом. Затем уверенно пошла к участку, выставленному на продажу. Дмитрий следовал за ней.

Участок располагался на вершине косогора, у края леса – верхушки хвойных деревьев сбегали куда-то вниз.

– Это ваш участок. – Ника очертила рукой полукруг в воздухе. – А там за лесом, во впадине, знаменитые Кавголовские озера. Отсюда их не видно, но ходу не больше четверти часа. Я бы на вашем месте не раздумывала.

Дмитрий с незнакомым чувством будущего землевладельца осмотрелся. Ему нравилось здесь! Но, ставя заслон эмоциям, он задал Нике несколько вопросов по существу. Как будет организовано водоснабжение? Подведут ли газовую магистраль, или будут пользоваться сжиженным газом в баллонах? Уточнил стоимость участка.

Получив от Ники исчерпывающие ответы, сказал:

– Я готов начать оформление сделки. Надо будет только жену сюда привезти. Хотя это – формальность. Она согласится, я уверен. Несколько дней есть в моем распоряжении?

– Я вообще-то собиралась участок еще кое-кому показать, если вам не приглянется. Я же говорила вам, что ухожу с этой работы. Но, была не была, попридержу вариант! Только вы, пожалуйста, определитесь поскорее, Дмитрий Владимирович.

– Можно просто Дмитрий! – У Дмитрия заметно поднялось настроение: важные решения наполняют кровь адреналином.

Ему захотелось сделать что-то приятное для этой «южанки». Дмитрий посмотрел на Нику с видом заговорщика и впервые обратил внимание, что она не так юна, как ему казалось. Видимо, в заблуждение его ввели и легкомысленные кудряшки и молодежная одежда девушки: красная трикотажная куртка в обтяжку и джинсы с приспущенной талией, так что между курткой и поясом джинсов соблазнительно светилась полоска загорелой кожи. Но взгляд Ники был серьезен, и соблазнять его она не собиралась. Потому Дмитрий осторожно спросил:

– Ника, вы не возражаете, если я приглашу вас отметить предстоящую сделку? Посидим где-нибудь в ресторанчике?

– Положим, Дмитрий, сделку отмечать еще рано: договор пока не подписан. Давайте лучше отпразднуем мой уход из фирмы! Признаюсь честно – надоело донельзя! Но я нашла отличную работу! Приличный оклад, социальный пакет и все такое, включая свой письменный стол и персональный компьютер. Больше не буду мотаться неприкаянной. Может, слышали: корпорация «Этажстрой»?

– Еще бы! Ее рекламные баннеры всюду вывешены.

Непонятно, почему Дмитрий не упомянул сейчас о работающей там жене. Вроде ни к чему. Но здорово, когда у людей совпадает настроение, пусть даже и поводы разные! Он взял Нику за руку – солнечный денек, может быть, последний привет уходящего лета, да игривый ветер, взъерошивший ее кудри, подтолкнули Дмитрия к неожиданному жесту. Ради приличия он сопроводил свой порыв благоразумными словами:

– Ника! Большое вам спасибо за то, что вы предложили мне этот участок! И я также рад за ваш карьерный рост. Значит, вы согласны? Едем в ресторан? Прямо сейчас!

Дмитрий понимал, что все его деловое расписание летит прахом, но задорное настроение овладело им, и он решил сегодня забыть о делах. Ника кивнула в знак согласия, но руку решительно высвободила и спрятала в карман куртки. Женатым мужчинам она не позволяла таких вольностей. У нее был горестный опыт, когда она по неопытности оказалась втянутой в любовный треугольник. Тот человек обманул ее, скрыв, что женат, а потом полгода кормил обещаниями развода. Ника едва вырвалась из капкана чувственной зависимости. Однако обед с Дмитрием ни к чему ее не обязывал. И она, пожалуй, заслужила его: участок, подобранный ею, дорогого стоил!

Они вернулись пешком к «шкоде», оставленной на развилке, и после десяти минут езды остановились у придорожного ресторанчика.

Сделав заказ, Ника и Дмитрий молчали, сидя напротив друг друга. Дмитрий вообще не умел развлекать женщин, а Ника не хотела брать на себя труд скрасить паузу. Однако в этом заведении все было предусмотрено: официант быстро вернулся и поставил перед гостями по стопке водки – премиальное угощение перед обедом. Ника нерешительно коснулась запотевшего стекла, раздумывая, то ли сделать глоточек, то ли отодвинуть водку в сторону, все-таки сегодня она за рулем. Но Дмитрий ободряюще улыбнулся и, приподняв свою стопку, произнес тост:

– За то, чтобы правила помогали людям, а не мешали им жить.

Похоже, он имел в виду не только правила дорожного движения.

Ника усмехнулась и чокнулась с Дмитрием, затем, пригубив водки, поставила рюмку на стол. Даже такая малость спиртного совершила чудо: гости почувствовали себя естественнее и куда-то ушла вся двусмысленность положения. Оба поняли, что могут стать друзьями. Ника всегда умела дружить с парнями, тяготее к их искренности и уму, а Дмитрий каким-то чутьем угадал, что эта девушка отличается от иных и не смотрит на него глазами охотницы. Однако он понимал, что и романтического героя в его лице Ника тоже не видит. Он вздохнул. И когда официант принес горячее, заказал себе еще водки. Приятный туман в голове расслабил его. И Дмитрия уже не огорчало, что Ника – не его песня. Зато давно он не встречал такой внимательной слушательницы. И если в поддакивании Ларисы он иногда чувствовал фальшь, то отклики Ники были абсолютно искренни. Потому и его признания становились все откровеннее:

– Знаешь, Ника... Честно скажу, не верь женатым мужчинам. Вот у меня, признаюсь, есть подруга, но жену я никогда не оставляю. Я умею ценить верность и преданность, а мы с ней вместе почти двад... – Дмитрий осекся на полуслове: под влиянием спиртного он ослабил контроль за собой, забыл, что Ника теперь будет работать в одной фирме с его женой. – Ты ведь не выдашь мои секреты?

Ника не торопясь разделалась с кусочком рыбы и ответила удивленно:

– С какой стати, Дмитрий?! Да и кому я могла бы их выдать?

– Я сразу не сказал тебе, Ника. Моя жена тоже работает в строительной фирме, куда ты оформилась.

– Это замечательно! На новом месте работы всегда трудновато поначалу. Надеюсь, я смогу обратиться к ней при случае? Она кем там работает?

– Таня – конструктор. Занимается расчетом систем водоснабжения, делает чертежи на компьютере.

– Молодец твоя Таня! А меня компьютер всегда напрягал. Умею лишь выбрать вариант из базы недвижимости да несколько программных пакетов недавно изучила на уровне «чайника».

– Но с Интернетом на «ты»! Ночи – на форумах и в чатах? – Дмитрий слегка подначивал Нику на правах старшего, умудренного жизнью человека.

– Нет, времени не хватает. Я же последние два года по вечерам училась, днем по области моталась. Компьютерная тусня – это не мое.

Ника не таясь рассказала Дмитрию о напряженном ритме своей жизни, о работе и учебе. Личной жизни она не касалась, о своей неприкаянности промолчала, а Дмитрию никогда бы не пришло в голову, что эта кудрявая красавица может быть одинока.

Закончив с горячим, перешли к десерту. После чашечки крепкого кофе бестолковое возбуждение Дмитрия сменилось ровным, хорошим настроением. Ника нравилась ему все больше как человек и как женщина. Да, поначалу ее встрепанные кудри и слишком молодежный прикид ввели его в заблуждение: она была серьезнее и глубже, чем казалась.

– А что же личная жизнь, Ника? – наконец отважился на нескромный вопрос Дмитрий. – Не хочешь – не отвечай, разумеется.

– Личная жизнь потому и называется личной, что о ней не говорят.

– Извини.

После ресторана Ника снова села за руль своей «шкоды». Она подвезла Дмитрия до конечной станции метро, где они и попрощались.

* * *

За полчаса до выхода на работу Ника так и не решила, в чем пойдет. А ведь первый день на новом месте – это так важно! Она посмотрелась в зеркало: нет, загорелая кудрявая девушка в черном офисном костюме, с лицом оттеняемым лишь белоснежным воротом блузки – это не она. Ника чувствовала себя в этом наряде как выпускница университета, отправляющаяся на собеседование. Но это для нее пройденный этап! И хотя до выхода из дому оставалось полчаса, Ника решительно сбросила чуждый ей футляр и натянула джинсы и обтягивающий яркий топ. Лишь вместо привычных кроссовок она надела новые, еще тесноватые туфли без каблука и вышла из дому. Уже в машине Ника окончательно укротила свое волнение.

Офис корпорации «Этажстрой» располагался недалеко от Невского проспекта. Ника радовалась, что теперь будет работать в центре Питера, но затратила немало времени в поисках места для парковки. Наконец отыскала небольшой пяточок в прилегающем переулке – оказалось, что именно там и оставляли свои машины все сотрудники близлежащих офисов.

Новенькую поприветствовал сам Генеральный. Герман Леонидович держался демократично и, по случаю летнего сезона, сам был в пиджаке спортивного кроя и в рубашке без галстука. Ника подумала, что правильно выбрала для себя одежду – все-таки она пришла работать в архитектурно-строительную фирму, а не в банк. Шеф не поленился покинуть свой кабинет и устроил для Ники ознакомительную экскурсию по офису, провел ее по всем помещениям. Представил новенькую подчиненным, назвал имена ведущих специалистов. В помещении, где сидели проектировщики, он выделил светловолосую строгую женщину в очках на тонкой оправе и отрекомендовал ее: «А это наш опытный конструктор – Татьяна Серге-

евна Беломорцева». Ника вспомнила рассуждения Дмитрия о своих похождениях, о женах и любовницах и с едва скрываемым сочувствием улыбнулась ей: миловидная сотрудница казалась такой беззащитной и явно не заслуживала своей участи. Но Татьяна Сергеевна заподозрила в улыбке новенькой насмешку, может, оттого, что Нику представлял обожаемый шеф. Откуда такая самоуверенность у этой девицы – уж не протеже ли она Германа Леонидовича?

Снова Ника встретила с Татьяной Сергеевной в обеденный перерыв. В маленькой корпоративной столовой свободное место оказалось только рядом с конструктором. С тарелкой в руках Ника подошла к ее столику:

– Не помешаю, Татьяна Сергеевна?

– Садись, садись, Ника! Как тебе удалось с ходу запомнить наши имена-отчества? – Татьяна Сергеевна с искусственной оживленностью приветила Нику и сразу обратилась к ней на «ты».

Ника не призналась, что запомнила одну лишь Татьяну.

Татьяна, старожил фирмы, рассказала Нике много полезного: о распорядке дня, об авралах перед «подачей» проекта, о «горящих» объектах, о премиях и штрафных санкциях для служащих. Затем попыталась выведать, как Ника попала к девелоперам, в отдел развития градостроительных объектов. Ведь, по слухам, платили там вдвое больше, чем в других подразделениях. Отчет Ники о двух высших образованиях и опыте работы с недвижимостью Татьяну не убедил. Она так и осталась в уверенности, что Нику взяли по знакомству.

После обеда Нику снова пригласил к себе Герман Леонидович для обстоятельного разговора – Нике предстояло оценить привлекательность под застройку городских пятен. Генеральный, обычно строгий, решающий дела оперативно, разговаривал с молодой сотрудницей не в пример мягче, чем с другими подчиненными, и дольше. Одновременно он исподволь оценивал ее как женщину, зондируя возможности более близких отношений. Опытным чутьем любимца женщин он понимал, что Ника совсем не так проста и наивна, какой кажется на первый взгляд. И все же решил испытать новенькую – чем черт не шутит! Когда они сели за один стол, то он, развернув перед Никой схему застройки района, как бы невзначай коснулся своим коленом ноги девушки. Ника осталась невозмутима, но и делать вид, что не замечает его движений, не стала. Она твердо произнесла:

– Герман Леонидович, пожалуйста, отодвиньтесь чуть-чуть. Здесь достаточно места.

От неожиданности начальник порозовел, что было, однако, почти незаметно на его изборозженном морщинами пергаментно-песочном лице, и раскатиисто рассмеялся:

– Молодец, Ника, выдержала экзамен. Среди вашего поколения немало девиц, что норовят сверкнуть не умом, а ножками, надеясь на быстрое продвижение. Ты, вижу, не из таких. Так на чем мы остановились?

Герман Леонидович не имел обыкновения пользоваться служебным положением, угрожать женщинам карами, чтобы склонить их к близости. Прежде они вешались ему на шею сами. «Старею, – с грустью подумал он, наткнувшись на отпор Ники, – шестьдесят, увы, не сорок пять». Он натянул на лицо маску серьезности и продолжил деловую беседу.

Но вскоре их разговор прервали – в комнату вошла Татьяна Сергеевна. Она не знала, что у директора посетители, поскольку секретарша куда-то отлучилась из приемной. Татьяна окинула фигуру шефа взглядом полным любви и обожания. Глаза ее, увеличенные стеклами очков, светились совсем по-девичьи. Герман Леонидович давно замечал эти взгляды и не знал, как пригасить их сумасшедший блеск. И совершенно неуместным это излучаемое конструктором обожание выглядело сейчас, когда он общался с Никой, наслаждаясь обаянием ее молодости. Татьяна Сергеевна вдруг почувствовала в комнате облачко чужой радости и окатила обоих собеседников уничижительным взглядом. Все ясно: шеф переключился на новенькую. Однако, нерешительно топчась у порога, Татьяна не уходила. Зато Ника свернула чертеж и спросила:

– Я могу идти, Герман Леонидович?

– Идите, Никуля, идите.

Это ласковое «Никуля» обожгло сердце ведущего конструктора. Ее он ни разу не назвал Танечкой, в лучшем случае – просто Таня. Дверь за Никой захлопнулась, и Татьяна Сергеевна осталась наедине со своим кумиром. Вот подходящий момент сказать Герману о своих чувствах – сейчас или никогда! Татьяна приоткрыла рот, но не посмела произнести ни единого слова, хотя чувства распирала ее грудь. Ей хватило смелости только на красноречивый взгляд. Если бы директор откликнулся на это молчаливое признание в любви!

Герман Леонидович прекрасно видел смятение Татьяны, но не отзывался на ее робкий призыв. Он много лет работал с женщинами, и не только работал... Он знал по своему опыту, что для таких особ, как Татьяна, муж всегда остается на первом месте и все эти призывные взгляды так и остаются пустыми авансами. А если даже случится грехопадение, то потом такая невротичка замучает его и себя лавиной разговоров об их обоюдной вине. Такие отношения Герман Леонидович давил в зародыше. Деловым тоном шеф поторопил сотрудницу:

– Татьяна Сергеевна, у вас пять минут. Покажите мне конструктивные элементы, требующие максимум затрат. Надо посмотреть, что тут можно сделать.

Конструктор развернула чертеж, распечатанный на принтере, и, едва справляясь со своими чувствами, стала отчитываться перед начальством. Авторучка, используемая ею вместо указки, дрожала в руке. Никогда, ни за что она не посмеет признаться в любви Герману Леонидовичу! И хорошо, что он не замечает ее волнения, иначе она упала бы в его глазах так низко, что... Пусть, пусть все остается как есть. Она будет любить одна за двоих!

На другой день, вновь обедая с Никой, Татьяна не пыталась играть сердечность. Если накануне внутренняя неприязнь к новенькой возникла интуитивно, то теперь у Татьяны появилось основание держаться с ней холоднее. Ироничным тоном сделала Нике замечание насчет дресскода, заметила, что ходить в таких ярких топах и джинсах у них на работе не принято.

– Вчера, честно говоря, я подумала, что ты с дачи на работу приехала. Не успела переодеться.

– Но Герман Леонидович мне ничего не сказал. В помещениях душно, он и сам сидит на работе без галстука...

– Тебе, – Татьяна сделала ударение на этом слове, – он ничего и не скажет!

Ника поежилась от неожиданно недружелюбного тона сидящей напротив женщины, оглянулась по сторонам. Да, на Татьяне – строгий костюм, но остальные сотрудники были одеты неформально, а иные даже с художественным изыском.

– Именно мне?

Татьяна Сергеевна не унизилась до уточнений и промолчала.

Ника вернулась на рабочее место и сразу забыла о странных намеках. Ей предстояло проанализировать большой объем справочных материалов, и забивать голову пустяками времени не было.

3. Броуновское движение...

Лариса была вне себя. Надежды провести отпуск вместе с Дмитрием рухнули. Он вдруг заявил, что накопилось много заказов, и поездка отменяется. Это было тем более обидно, что Лариса уже накупила сарафанчиков и купальников, чтобы блистать в них на пляжах Египта. Чувствуя себя виноватым, что не сдержал обещания, Дмитрий немедленно прислал к подруге двух работников для установки нового окна на кухне.

Хозяйственные заботы если не утешили Ларису, то несколько отвлекли. Ремонту сопутствовали грязь и пыль, особенно когда с помощью дрели выгрызали из кирпичных стен старые рамы. Лариса протирала пол в кухне и прихожей, мыла стены, переносила с места на место кухонную посуду – двум монтажникам требовалось пространство. К семи вечера наконец установили новый стеклопакет, и один работник ушел. Оставшемуся предстояло в одиночку отделить откосы, замазать швы, навести, что называется, глянец.

Этого человека звали Степан. Чернобровый, темноволосый украинец – только когда он склонялся к плинтусу, розоватая плешь поблескивала на макушке, – работал добросовестно, лишь изредка отвлекаясь на скорую сигарету.

Закончил отделку окна Степан поздно вечером и попросил у хозяйки стакан чая, сказал, что до дома доберется не скоро, а горяченького охота. Лариса накрыла на скорую руку стол – так как весь день кухня была занята, она не смогла приготовить нормальный ужин. Однако вместо чая выставила на стол бутылку водки и деликатесы из холодильника. Сняла фартук и присела напротив теперь почти гостя.

Первый тост был за новое окно. Оба выпили рюмки до дна. Степан подцепил на вилку кусок буженины, отправил в рот, пожевал. Через пару минут посетовал:

– Сальца в этом мясе маловато. Вот у нас на Украине...

– А у меня и ветчина есть, – спохватилась Лариса и вынула из холодильника дополнительную закуску. – В ней жирка побольше.

После второй рюмки разговор перешел на другие рельсы. Лариса спросила, доволен ли работник Беломорцевым, своим начальником в фирме «Окна», достаточно ли заказов. Степан, хотя и не знал о связи гендиректора с Ларисой, отзывался о нем исключительно хорошо. Бесхитростно заметил, что Беломор справедливый мужик, а также и семьянин заботливый. Что сейчас стал к супруге еще внимательнее, когда их дочь уехала на учебу в другую страну.

– А вы-то откуда знаете про его внимательность к своей половине? – Лариса состроила брезгливую гримасу, будто увидела на тарелке муху.

– Так он сам недавно рассказывал, что купил семейный абонемент в фитнес-клуб. Говорит, что жена его не следит за собой, мышцы на руках как макароны, вот и решил ей помочь. Теперь будут раз в неделю вместе ездить на занятия. А еще в Кировский театр на балет ее водил, подарил ей к годовщине свадьбы кольцо из бриллиантов.

– Неужели он днями напролет с работниками треплется? – Губы Ларисы вздрогнули от обиды.

– Да нет! Недавно была у нас корпоративная вечеринка, пять лет фирме исполнилось. Фестивалили все по полной, и шеф не отставал. Вот язычок у него и развязался. А я сам на себя удивляюсь, что такая фигня запомнилась.

– Да-а. – Тема оказалась болезненной для Ларисы. А что, если он и о ней распространялся? Хотя вряд ли. Пьян-пьян, а бдительность Димочка никогда не теряет. – А у вас с женой какие отношения, Степан?

Хмельные глаза работника устало сощурились. Он ответил просто:

– А у меня, Лариса, нет жены. Живу один.

– И не было?

Лариса с удивлением посмотрела на грубоватое, с крупными чертами, лицо своего случайного гостя. Нос сливой сползал к губам, зато губы, сочные, мясистые, невольно навевали мысли о страстных поцелуях. Но, переведя взгляд на заляпанный белилами комбинезон монтажника, Лариса сразу остыла в своих фантазиях. Стремясь утвердиться в жизни, найти мужа, она не рассматривала кандидатуры простых работяг. Ее привлекали лишь мужчины с положением. Степан будто читал ее мысли и границ не переступал: хозяйка – это хозяйка, а он всего лишь наемный рабочий. Но если дамочка интересуется, почему не ответить. Выпив еще рюмку водки, Степан продолжил рассказ:

– Все было в свое время. Женился я рано, сразу как прапором на сверхсрочную остался. Тут в Ленобласти и служил. И сын у нас с Томкой родился. Но в девяностые, если помните, у нас воинские части сплошь и рядом крушили, я тоже под сокращение попал, ни кола ни двора. Жена с ребенком вернулись к матери, на Украину, а я тут застрял. Думал, с жильем определюсь, заберу их к себе. Но не вышло. Пока по общежитиям мыкался, Томка к другому хлопцу прибилась. Он, так вышло, и поднял моего мальчика. Сынок теперь в Николаеве, в мореходке учится.

– А вы так в общежитии и живете?

– Нет. Комнату в коммуналке удалось купить.

Холостяцкое положение человека с жилплощадью укрепило позиции Степана, его грязный комбинезон перестал бросаться Ларисе в глаза. А очередная рюмка окончательно закружила ей голову. Лариса уже не замечала, что сидит враскорячку, а ее обнаженная коленка светится между раскинутыми полами халата. Хозяйка продолжала допрашивать гостя:

– Без женщин не скучаете? Или подружка имеется?

– Были у меня подружки, но сейчас один. И вы, кажется, одна? – Степан сделал пробный выпад.

– Кому нужна девочка за тридцать? – кокетливо передернула плечиками Лариса.

Степан утвердился в догадке, что хозяйка флиртует с ним, и смело предложил:

– Хотите, Лариса, как-нибудь за город съездим. Я озеро знаю, там рыбалка знатная.

– Это замечательно! В детстве отец брал меня на рыбалку, было весело.

– Насчет веселья не обещаю, зато настроение гарантирую. На свежем воздухе, уха под водочку... Все организуем по высшему разряду.

– Мы с какого вокзала поедем, с Финляндского?

– Обижаете! У меня тачка имеется – «жигули» последней модели.

Лариса с грустью вздохнула: «жигули» Степана и джип Дмитрия слишком красноречиво оттеняли положение мужчин. Но Дмитрий, похоже, так и останется журавлем в небе. Подарил, видите ли, своей клуше кольцо, на фитнес с ней записался. А потому назло злодею она прокатится с Прапором на озеро! И прозвище, только что приклеенное к монтажнику, чуть-чуть приблизило его к Ларисе.

Однако ближайшая встреча Ларисе предстояла снова с Дмитрием. Причем не наедине, а на людях, в его семье.

Татьяна вздумала отмечать пятнадцать лет трудовой деятельности. Работала она на одном месте – менялись лишь названия предприятия – и гордилась этим обстоятельством. Пришла выпускницей строительного вуза в «Лифтпроект», затем пережила череду переименований и оказалась в корпорации «Этажстрой». Однако чествовать Татьяну на предприятии никто не собирався: дата не юбилейная. И все же напомнить о себе, устроить домашнюю вечеринку она имела право. Позвала в гости часть нынешних сотрудников, и Германа с Никой в том числе, чтобы понаблюдать за ними в неформальной обстановке – эта парочка больше всего тревожила ее душу. А насчет Ларисы, любимой подруги, и раздумий быть не могло – гостя номер один!

Они ведь и познакомились когда-то на работе, и подруга присутствовала на любом торжестве в доме Беломорцевых.

В назначенную субботу Лариса приехала в квартиру на Фонтанке. Она вручила Татьяне набор кастрюль, затем обменялась с ней беглым поцелуем. И сразу увидела в вырезе черного облегающего платья хозяйки новое кольцо, подаренное мужем – о нем говорил ей Степан, – с удовлетворением отметив, что бриллианты эти слегка затуманены дымкой, из самых дешевых.

– Дима подарил? – уточнила Лариса.

– Утешил после отъезда Алисочки.

Лариса прошла в гостиную, поздоровалась. Большинство гостей ей были знакомы. Татьяна говорила, что пригласила и Германа, но его среди присутствующих не было: он теперь птица высокого полета, не обязан к рядовым сотрудникам по первому зову являться. Зато Лариса увидела новое лицо – девушку в пестром нарядном платье, коротко стриженную, кудрявую.

Татьяна познакомила обеих:

– Это Ника Хлебникова, наша новенькая! А это – моя лучшая подруга Лариса. Мы с ней вместе начинали.

Ника приветливо улыбнулась Ларисе, подумав, однако, про себя: «Какое страшненькое лицо у этой женщины, почти рябое». Лариса отошла поболтать с бывшими сослуживцами, а Ника стала разглядывать отделку квартиры. Ей, архитектору по образованию, был интересен интерьер: арки, персиковые обои, зеленый изразцовый камин. Все на уровне! Неудивительно, что хозяин квартиры, Дмитрий Беломорцев, и к покупке коттеджа подходит с высокими требованиями. Кстати, почему его не видно? Нике вдруг вспомнилось его случайное признание о наличии любовницы. Интересно: тоже небось красавица из красавиц?

Размышления Ники прервала поджарая старушка в белой блузке и темной юбке, прикрытой фартуком, мать Татьяны. Коллега как-то упоминала, что ее мама, Ирина Васильевна, прежде работала инспектором детской комнаты в милиции. В ее облике и ныне сохранялась милицейская строгость. Старушка тоном, не терпящим возражения попросила Нику:

– Девушка, пройдемте на кухню. Поможете столовые приборы почистить. Я закрутилась с выпечкой, совсем о вилках-ложках забыла.

Ника, улыбаясь, послушно проследовала за старшей хозяйкой. Начищая столовые приборы пастой, она узнала от Ирины Васильевны много интересного о ее зяте Дмитрие Беломорцеве. О том, что он бездельник, гвоздь забить не допросишься, на дачу не дозовешься и благодарности за то, что его сюда прописали, не дождешься...

– Давно?

– Что – давно? Когда прописали? Тогда и прописали, когда студентом без штанов еще был, а теперь видите, в какой квартире живет?

– Квартира отличная! Зять, наверно, теперь хорошо зарабатывает?

– Может, и зарабатывает, – скривила губы старушка, – только я тех денег не вижу. О! Звонок! Наконец-то! Его только за смертью посылать!

Старушка засеменила в прихожую открыть дверь, и вскоре в кухню, как был в уличной куртке, ввалился Дмитрий с пакетами продуктов из сетевого маркета.

– Очередь к кассе невозможная... – начал он и осекся, увидев Нику.

Вот так сюрприз! Татьяна ему не говорила, что собирается пригласить девушку в гости.

Заметив, что теща впрягла Нику в не слишком чистую работенку, сказал ей, что сейчас разденется и сам почистит приборы.

Вскоре они на пару драили вилки: Дмитрий натирал их пастой, а Ника ополаскивала водой. Сама же Ирина Васильевна вновь устремила в гостиную проверить, все ли нужное выставлено на стол. Выбегая из кухни, бросила на ходу, что Танька обязательно что-нибудь упустит.

- У вас нет помощницы по хозяйству? – поинтересовалась Ника у Дмитрия.
- Теща не доверяет чужим людям, говорит, что сама справится.
- Она у вас строгая!
- Не то слово! Татьяна совсем измотала – мне-то в глаза она опасается выговоры делать, все через нее норовит воспитывать.
- До сих пор?
- Двадцать лет эта бодяга тянется.
- А почему вы не разведетесь с тещей?
- Мамаша и не желает. Да и сама Татьяна воли не проявила. Вначале было кстати, что бабушка с Алиской сидит. Мы тогда студентами были, на няню не смогли бы выложиться. А теперь Татьяна жалеет мать, говорит, что она без нас пропадет.
- Это кто пропадет? – услышала Ирина Васильевна последние слова зятя. – Иди-ка, Дмитрий, к гостям. И тебе, Никуля, спасибо. Не замаралась? Иди-иди, я закончу.

Ника замешкалась, снимая фартук и вытирая руки, а Дмитрий вышел из кухни сразу. В коридоре его перехватила Лариса, давно подстерегающая момент.

Она шепнула Дмитрию, что им надо поговорить. Увидев искры нетерпения во взгляде любовницы – казалось, они осыпались на ее платье, обильно украшенное стеклянсом, – Дмитрий попытался ускользнуть от разговора:

- Не сейчас, Лара. Мне надо идти. Гости ждут!
- Подождут! Мы здесь будем говорить? – повышая тон, спросила Лариса, продолжая удерживать Дмитрия за рукав рубашки.

Дмитрий огляделся: Лариса провоцирует скандал, хорошо, что рядом никого нет. Он взял ее за локоть и почти втолкнул в комнату дочери, сейчас пустую, сразу зажег свет и дверь прикрыл неплотно, опасаясь безумств со стороны любовницы. Даже на всякий случай взялся за спинку стула, выставив его перед собой, как преграду.

- Ну, говори быстрее. Что еще случилось?
- Дима, как ты разговариваешь со мной! Пожалуйста, смени тон.
- Гости ждут.
- Я не буду задерживать тебя. Ты мне только ответь, что означает это кольцо, подаренное тобой Татьяне? Ты подарил его, чтобы скрасить горечь вашего расставания? Объяви сегодня перед гостями, что ты уходишь от нее! Разрубать узел лучше одним махом.
- Тсс. – Дмитрий прижал палец к губам, заслышав шаги в коридоре. – Ты с ума сошла! Сегодня ее праздник и я не могу торжество превратить в день траура для Татьяны.
- А если я сама объявлю при гостях, что ты мой любовник?
- Ты этого не сделаешь! Ведь тогда, сама понимаешь, для тебя все будет кончено!
- Помирать – так с музыкой! – беспечно сказала Лариса, мысленно уже разрывая эту затянувшуюся связь.

– Ларочка, прошу тебя! – Дмитрий резко сдвинул в сторону мешающий стул и, обняв Ларису, поцеловал ее в макушку, как иногда целуют расшалившегося ребенка, чтобы успокоить. – Ну хочешь, я тебе такое же, как Тане, кольцо куплю?

Ника, повесив фартук на крючок и вытерев полотенцем руки, вышла из кухни. Возвращаясь в гостиную, она заблудилась в огромной квартире Беломорцевых и приоткрыла дверь в комнату, где выясняли отношения Дмитрий и Лариса. Они по-прежнему стояли обнявшись, но теперь целовались по-настоящему. Дмитрий в растерянности забыл о незапертой двери, а Лариса хотела, чтобы их обнаружили, она была готова на все.

Увидев целующуюся пару, Ника сразу отпрянула назад и прикрыла дверь. В этот момент Дмитрий стал ей до крайности неприятен: многие мужчины изменяют своим женам, но другие, по крайней мере, стараются оберегать их, скрывают свои похождения. Разумеется, Татьяне

об увиденном она не расскажет, но ведь другие могут застучать сладкую парочку. Вон и старушка-милиционерша в эту сторону направляется.

Ника украдкой стукнула в дверь и направилась навстречу Ирине Васильевне, чтобы задержать ее.

– Что, Никуля, заплутала в наших хорах? Гостиная дальше, а это комната Алисочки была. Не стесняйся, можешь посмотреть. И свет, опять же, горит. Сколько раз своей молодежи говорю, чтоб выключали, когда уходят.

Ирина Васильевна, обойдя Нику, распахнула дверь в комнату внучки.

Но предупреждающий стук Ники спас парочку: Дмитрий стоял у стеллажа и делал вид, что разглядывает диски на полке. Лариса уже направлялась к выходу.

– А я смотрю, свет в комнате горит, думала, опять забыли выключить. – Ирина Васильевна с подозрением посмотрела на Ларису, потом на Дмитрия. – А это вы тут хозяйничаете. Пошли в гостиную, уважаемые. Пора уже за стол садиться!

Ника, неловко отступив в сторону, пропустила всю троицу вперед и пошла следом. На нее не обратили внимания. А Дмитрий, направляясь в гостиную, запоздало подумал: был стук в дверь или ему показалось?

Вечер тянулся, как тысячи подобных. Люди ели и разговаривали ни о чем, лишь изредка произнося тосты в честь виновницы торжества. Выступил и Дмитрий. Похвалил постоянство супруги, верность Татьяны своей фирме, заметил, что она успела за эти годы вырастить дочь, и произнес еще несколько теплых слов в ее адрес. Ника слушала его с отвращением: какой лицемер! Восхваляет жену, изменяя ей. От Ларисы просто отворачивалась, на Татьяну смотрела с сочувствием, а на дирижирующую застольем Ирину Васильевну – с раздражением. Сосед справа, мужчина из чужого отдела, исправно ухаживал за своей супругой и за Никой, накладывая обеим женщинам в тарелку салаты и подливая в бокалы вино. Но Ника пожалела, что согласилась прийти в эту квартиру.

Праздник и Татьяне не принес радости, потому что не пришел Герман Леонидович.

* * *

Теперь на работе Татьяна не пыталась ловить взгляды Генерального. Она страдала от безнадежности, тем более что до нее долетали слухи, что шеф благоволит к Нике. Хотя все слухи основывались лишь на том, что Герман Леонидович часто вызывал Нику к себе в кабинет для обсуждения проектов.

Ника не подозревала о разговорах за своей спиной. Новая работа отнимала у нее все силы и время. Она старалась вникнуть в сметы, во всех тонкостях оценить привлекательность пятен застройки, изучить очередные проекты фирмы.

В столовую Татьяна и Ника по-прежнему ходили вместе, потому что Татьяна в последние годы рассорилась со всеми приятельницами на работе. Хотя она и демонстрировала внешнее спокойствие, однако отличалась злопамятностью. И часто неожиданно для сослуживцев возвращала им их же высказывания, загоняя их в угол. И с Никой она разговаривала снисходительным тоном. Ника до поры до времени не замечала неприязненных ноток у собеседницы. Но однажды, привычно зайдя за Татьяной перед обедом, получила отказ, похожий на отповедь:

– Пора прекратить все это. Идите обедать без меня, Ника Николаевна! Я попью чай на рабочем месте.

И не так Нику удивило желание Татьяны поесть у себя в комнате, как это холодное «идите», да еще с отчеством. Формальное «вы» после дружеского «ты» обескураживало. Она не знала за собой никакой вины.

– Я вас чем-то обидела, Татьяна Сергеевна?

Татьяна устремила взгляд в окно. Кажется, она забылась! И ответить нечего! Ведь признаться, что она, замужняя дама, ревнует Генерального к Нике, невозможно. И, ругая себя за ослабленный самоконтроль, за то, что позволила вырваться эмоциям, Татьяна, извиняясь, произнесла:

– Не обращай на меня внимания, Никуля. Наши женские настроения, как «ветер мая». Я села на диету...

– Вы и завтра не пойдете в столовую? – уточнила Ника.

– Не пойду. У меня гастрит.

С этого дня общение Татьяны и Ники свелось лишь к кратким приветствиям.

* * *

А Лариса через неделю после празднества в доме Беломорцевых поехала с бывшим прапором Степаном на рыбалку.

Осеннее увядание в хвойном лесу почти незаметно: те же стройные сосны над прозрачным озером, голубое небо, опрокинутое в воду, те же рыбаки с удочкой на пристанях или в лодках.

Приближалась вечерняя заря, небо начинало розоветь. Пока Степан сидел неподвижно, забросив удочку, Лариса прогуливалась по тропинке, извивающейся вдоль озера. Как замечательно, как здесь тихо и как красиво! Хорошо, что она согласилась на эту поездку. А с Дмитрием, видно, пришла пора разойтись. В очередной раз ей придется проявить мужество и самой сделать решительный шаг к разрыву. Время залечит ее сердце, но время неумолимо. Ей уже тридцать пять, пора выйти замуж, завести ребенка. Если Степан проявит серьезный интерес, она уступит ему. Лариса склонилась к воде и плеснула пригоршню себе в лицо – вода обжигала холодом, одновременно гася непрошеную грусть.

Потом они вдвоем со Степаном чистили колючих ершей, разводили костерок, варили уху, ставили палатку. За этой суетой не заметили, как начало темнеть. Ужинали уже почти в темноте, при неярких сполохах костра. Распечатали бутылочку. Но поначалу разговор шел вяло: каждый кратко обозначил вехи своей жизни, и оба замолчали. Не завязывалось той волшебной беседы, к которой привыкла Лариса, общаясь с Дмитрием. Димочка умел так ласково и приятно говорить ей комплименты, нахваливал одежду, украшения, сумочки. Он замечал каждую мелочь! Сидящему рядом рыбакову с Дмитрием, конечно, не сравниться, но он добр и хорош по-своему.

Степан разлил остатки поллитровки по кружкам. Лариса была уже совсем пьяная, голова начала кружиться, а Степана, кажется, ничего не брало. Чуть-чуть оживился он, когда разговор коснулся того, сколько он может выпить. Придя в возбуждение, стал рассказывать о разных случаях, где сколько «приняли на грудь», кто «с копыт свалился» и тому подобное. Будь Лариса в этот момент трезвой, наверняка бы это свидание стало точкой в их отношениях – настолько примитивен оказался Степан. Но сейчас слова его доносились к ней через пелену собственного хмеля, и смысла их она не понимала. Она видела лишь его мохнатые черные брови и сочные валики губ. Лариса положила голову на плечо нового друга. Степан мигом обнял женщину и впился в ее рот. Целовался он грубо, как-то кровожадно, но Лариса этого не замечала. Тепло от костра и водки перекинулось ей в грудь, поползло вниз... И если беседа между ними не разгоралась, то тела понимали друг друга – сердца стучали в унисон. В палатке, на непромокаемом коврикe, эта страстная песня нашла продолжение и вскоре достигла победного финала.

Лариса думала, что теперь они улягутся спать, но Степан вспомнил, что надо присмотреть за костром, и снова вытащил Ларису из палатки. Теперь над озером опустился сырой туман, стало холодно. Степан накинул Ларисе на плечи одеяло, принес вторую бутылку, раску-

порил. Лариса больше пить не хотела, но сделала несколько глотков водки – Степан на едином вздохе опрокинул кружку. Наконец язык его развязался. Он ругал олигархов, новых буржуев и не стеснялся поливать грязью своего хозяина Дмитрия Беломорцева. При упоминании этого имени Ларисе захотелось выпить еще. По состоянию она почти догнала Степана и тоже не соображала, что говорит. Наконец-то их беседа забила ключом. И что из того, что ни один из них не слушал другого, а, выхватив отдельное слово, заводил свое. Душа обоих рвалась наружу.

Утром Степан опохмелился пивом и чувствовал себя вполне прилично. Лариса такой привычки не имела, а потому была бледна и ее подташнивало. Степан обихаживал подругу. Заварил крепкого чая, сам основательно заправился банкой консервов. Затем предложил прогуляться по лесу, поискать грибы. Кое-где на пнях еще можно было обнаружить опенки, а во мху отыскать коричневые шляпки горькушек. Гуляли опять молча, глядя себе под ноги, но грибы попадались редко.

Найденные опять варить не стали, решили забрать с собой. Пообедали вчерашней ухой, после обеда сели в машину и отправились в город.

– Славно отдохнули! – заметил Степан, выруливая на шоссе. – В следующие выходные повторим?

Лариса сказала, что подумает.

Вечером она позвонила Дмитрию и сказала, чтобы он забыл ее адрес, что она больше не желает, чтобы ее водили за нос, что между ними все кончено. Лариса страстно желала и надеялась, что Дмитрий станет спорить, уговаривать ее, обещать жениться, но Дмитрий молчал. Наконец он выдал из себя:

– Но мы ведь еще увидимся... у нас дома? Если ты внезапно перестанешь появляться, Татьяна что-нибудь заподозрит.

– О Татьяне не беспокойся. Я ценю нашу с ней дружбу.

Повесив трубку, Лариса заплакала. Но усилием воли направила свои мысли на Степана. Она правильно сделала, что съездила с ним на озеро. Пусть он простой работяга, зато холост и зарабатывает хорошо. Они непременно еще встретятся.

4. Новогодние сюрпризы

В прежние времена у Ники не возникало проблем, где встретить Новый год, – все ее друзья и подружки были, как и она, свободны, в любой компании было весело. Теперь большинство обзавелись семьями и детьми, и Ника чувствовала себя в их обществе лишней. Она смирилась с мыслью, что новогоднюю ночь проведет в доме мамы и отчима или одна. Но неожиданно ее пригласил в ресторан архитектор, приехавший из Эмиратов в Петербург для реализации совместного с корпорацией «Этажстрой» проекта. Это был тот самый Халим – герой давнего и бурного романа еще юной Ларисы. Ника, разумеется, о том не ведала.

Стоя напротив Халима, она озадаченно молчала. С архитектором они познакомились совсем недавно и общались только по работе. Правда, в разговоре выяснилось, что Халим заканчивал тот же факультет, что и она, только гораздо раньше. Еще ей было известно, что у Халима в Эмиратах имеются две жены и несколько детей. А она как-то вскользь упомянула, что ее бабушка родилась в Тунисе, и Халим, видимо, ощутил с ней внутреннее родство. Но с чего вдруг он пригласил ее в ресторан? Ищет подружку для приятного времяпровождения?

– Нет, нет! Я не могу! – Ника энергично замотала головой, и кудри ее метнулись назад.

Халим понял ее опасения и раскатисто рассмеялся:

– Мы будем не одни. Я приглашаю тебя присоединиться к компании. Ныне я собираю всех любимых женщин, живущих в Питере. Когда еще удастся вырваться сюда!

Улыбнулась и Ника:

– А их много, любимых? И какое отношение имею к ним я? Разве нас связывает что-нибудь, кроме работы?

– Вы мне нравитесь, Ника! Вы очень красивы! Может быть, и я еще понравлюсь вам. А пока приглашаю просто повеселиться.

И Ника согласилась провести новогоднюю ночь в гареме Халима, как она назвала про себя это мероприятие.

Наступил последний день уходящего года. Настроение у Ники было подавленное. Вначале придется заехать с Тимом к родителям, поздравить их. Это уже стало ритуалом. От родителей возьмет такси и поедет в ресторан к Халиму. И зачем она только согласилась идти в незнакомую бабью компанию! И надеть-то, по сути, нечего. Ника раздвинула дверцы зеркального шкафа, вытащила единственное нарядное платье из тонкого трикотажа, надела его и взглянула на свое отражение в зеркале. Но смотрела она не на платье, а на свое лицо. Оно обветрилось, потому что ей часто приходилось выезжать на стройки, подниматься на верхние этажи недостроенных «высоток», где колючий пи терский ветер был особенно беспощаден. Стянув через голову платье, Ника бросила его на диван и присела к туалетному столику. Пожалуй, придется поколдовать с кремами. Этот, с запахом лаванды – под глаза; тот, увлажняющий – на щеки и шею. Нет, ей не сравниться с красотками из гламурных журналов! От легкого массажа пальцами щеки Ники порозовели, и теперь, глядя на себя, она вспомнила, что вот таким же румянцем покрывалась в былые годы, когда каталась на катке зимой, на тридцатиградусном морозе. В последние годы и морозов таких нет, и кататься принято под крышей стадиона.

И вдруг шальная мысль осенила ее! А не махнуть ли на каток? Забить и на родительский дом – она поздравит их по телефону, – и на ресторан Халима с его девицами?

Смелая мысль подняла Нике настроение. Новый ледовый дворец работает, кажется, допоздна и в праздничные дни. Но кто составит ей компанию? Телефонный звонок прервал ее размышления. В трубке раздался голос Тима:

– Сестричка, ты собираешься к предкам? Передай им, что я не смогу...

– Тимоша, пойдём на каток на пару часиков?

Брат показался подходящим кандидатом для этого мероприятия.

– Что?!

Ника пережидала его первую реакцию. Тим – неутомимый охотник за адреналином: подростком гонял на досках и роликах, теперь увлекся мотобайком. Конечно, кружение по ледовой площадке на коньках особой удали не требует, зато братец легок на подъем. Только он может не задумываясь поменять свои планы в любую минуту.

И Тим оправдал надежды Ники. Решив, что родителей навещать в другой день – зимние каникулы длятся больше недели, – брат и сестра договорились встретиться на катке.

На закрытом стадионе было многолюдно. Имелось немало любителей поскользнуть по льду в канун Нового года. Оживленно было и в местном кафе, где по случаю праздника продавали даже шампанское. Брат и сестра выпили по бокалу и вновь выехали на арену. Некоторое время они, чинно держась за руки, кружили по площадке, обмениваясь последними новостями. Тим признался, что приобрел новый мотоцикл, гоняет ночами по городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.